

ИСПРАВЛЕННЫЙ «ПЕТР ПЕРВЫЙ»: К ИСТОРИИ ТЕКСТА РОМАНА А. Н. ТОЛСТОГО

© 2016 г. А. С. Акимова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 3 октября 2016 г.

Статья написана в ИМЛИ им. А. М. Горького РАН по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук (МК-9079.2016.6).

Аннотация: В статье рассматривается незавершенная правка первой книги романа «Петр Первый», которая была произведена А. Н. Толстым незадолго до смерти, в 1944–1945 гг. Эти изменения были учтены при подготовке текста для первого Полного собрания сочинений писателя (М.: Гос. изд. худож. лит., 1946–1953. Т. 9. 1946). С одной стороны, правка 1944–1945 гг. продолжала основные направления работы писателя для предыдущих изданий (стремление к лаконизму стиля, устранение ярких эпитетов, сокращение фраз, уточнение образов и исторических реалий), с другой — Толстой возвращался к образам, которые были им отвергнуты еще на этапе создания одного из первых вариантов текста (Никиты Пустосвята, например). Кроме того, как отмечал А. В. Алпатов, автором снимались «ошибочные моменты», связанные с упоминанием в тексте немцев и их влияния на Петра («элементы идеализации в наброске Кукуя»). Одно из основных направлений работы писателя над текстом связано с образом главного героя — Петра I. Толстой сокращал описания припадков и болезненного состояния императора, корректировал изображения его гнева и проявления взрывного, сумасбродного характера, создавая образ милостивого царя. Таким образом, в 1944–1945 гг. Толстым была проделана большая работа над текстом и внесена значительная содержательная правка.

Ключевые слова: А. Н. Толстой, роман «Петр Первый», архивные материалы, идеологическая правка, текстология, собрание сочинений.

Информация об авторе: Анна Сергеевна Акимова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, ул. 25 а, 121069 Москва, Россия. E-mail: ann-akimova@yandex.ru

PETER THE GREAT REVISED: ON THE HISTORY OF THE TEXT OF ALEXEY TOLSTOY'S NOVEL

Anna S. Akimova

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received: October 3, 2016

Acknowledgements: The paper was written at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the support of the grant of the President of Russian Federation for young Russian scientists and scholars with a PhD title (МК-9079.2016.6).

Abstract: The article examines Alexey Tolstoy's incomplete revisions (1944–1945) of the first book of his novel *Peter the Great*. These revisions were taken into account in the course of the text's preparation for the first Collection of Complete Works (1946) compiled and edited after Tolstoy's death. On the one hand, the revisions of 1944–1945 continued the main line of Tolstoy's work on his previous editions (general tendency to conciseness, elimination of colorful epithets, cuttings, clarification of images and historical realities). On the other hand, Tolstoy returned to those images what he had repudiated when preparing one of the first drafts of the text (as for example, the image of Nikita Pustosvyat). Besides, according to A. V. Alpatov, the author cut out the "erroneous moments" related to the mention of Germans and German influence on Peter in the novel ("the elements of idealization in the depiction of Kukuy"). One of the main directions in the author's revisions had to do with the image of the main character, Peter the First. Tolstoy idealized Peter by cutting the descriptions of his disease and seizures and by correcting the scenes representing his wrath and mad, explosive temper. Thus, in 1944–1945 Tolstoy seriously reworked his novel including its contents.

Keywords: Aleksey N. Tolstoy, novel *Peter the Great*, archival materials, ideological editing, textual criticism.

Information about the author: Anna S. Akimova, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: ann-akimova@yandex.ru

В фонде А. Н. Толстого (ОР ИМЛИ. Ф. 43) хранятся два издания романа «Петр Первый» 1937 г. (Кн. 1 и 2. Гос. изд. худож. лит., 1937. Рис. И. Я. Билибина) с авторскими исправлениями и изменениями, перенесенными рукой секретаря писателя, Ю. А. Крестинского. Наибольший интерес представляет опубликованный текст с правкой автора до 2-й подглавки 5 главы (1 книга), небольшими поправками, внесенными в текст 2-й книги (1 глава, 3 подглавка) и пометами секретаря, Крестинского (далее «исправленный текст»)¹. Согласно

¹ Толстой А. Петр Первый. Л.: Гослитиздат, 1937. (Книга хранится в ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 248 а. Находится в обработке). Впервые охарактеризован как «исправленный автором текст 7-го издания "Петра Первого"» (Л.: Гослитиздат, 1937) в

датировке секретаря писателя на форзаце второго экземпляра (далее — «экземпляр Крестинского»)² с перенесенной им правкой Толстого, автор вносил изменения в текст в январе 1945 г.

Датировать начало работы можно 1944 г. по «Краткому отчету о деятельности академика А. Н. Толстого», в котором писатель, помимо «работы над третьей книгой романа “Петр Первый”», указывает — «авторская редакция 1 и 2 книг романа “Петр Первый”» [6, с. 238].

Возвращение к написанному почти пятнадцать лет назад тексту, вероятно, было связано с подготовкой к изданию третьей книги романа Гослитиздатом в конце 1945 г. Известно, что между автором и директором издательства, П. И. Чагиным, был заключен договор на ее издание и переиздание³.

Как уже отмечалось, авторская правка 1944–1945 гг. охватывала большую часть первой книги «Петра» и завершена не была (23 февраля 1945 г. писателя не стало). В первом посмертном Полном собрании сочинений А. Н. Толстого [10] в качестве основного источника текста первой книги романа был выбран текст издания 1937 г. с учетом исправлений 1944–1945 гг.⁴ Об этой правке ничего не сказано у Крестинского [5]. Один из ведущих исследователей текста романа, автор комментариев для всех посмертных собраний сочинений писателя, А. В. Алпатов, характеризует работу Толстого над текстом в 1944–1945 гг.: «Он тщательно отделявал, проверял каждый образ, каждую фразу своего текста <...> Пересматривая текст “Петра Первого”, писатель сжимал описания, преодолевал имевшуюся кое-где некоторую рыхлость изложения, умерял чересчур яркие краски. Устранял перегрузку эпитетами, чрезмерное обилие бытовых подробностей; отбрасывал грубовато-натуралистические штрихи и детали» [1, с. 158]⁵.

комментарии к роману // Толстой А. Н. Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Гос. изд. худож. лит., 1946–1953. 1946. Т. 9. С. 783.

² ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 248.

³ Дата на договоре — 22 февраля 1945 г. // РГАЛИ. Ф. 2550. Оп. 2. Ед. хр. 702. Л. 56.

⁴ В текст первой книги было внесено всего 11 исправлений, которые впервые появились в изданиях Гослитиздат 1934, 1935 и 1937 гг.

⁵ В комментарии к 9 тому эта точка зрения представлена более развернуто: «О характере работы Алексея Толстого над языком и стилем исторического романа, о той тщательной отделке, проверке, которой подвергал писатель каждый образ, каждую фразу своего текста, свидетельствует наглядно та последняя редакционная правка Толстым “Петра”, которую он предпринял в 1944 г., предполагая охватить ею два первых тома романа. Ухудшившееся болезненное состояние и смерть помешали писателю довести ее до конца. Толстой успел довести эту правку только до V главы первой книги “Петра”».

Пересматривая текст романа, писатель сжимал описания. Умерял чересчур яркие краски. Устранял перегрузку эпитетами, чрезмерное обилие живописно-бытовых подробностей <...>

Одно из направлений правки было описано подробнее, но без привлечения примеров и оценивалось исследователем Толстого как положительное: «В первой книге “Петра Первого” можно также указать на недостаточную критическую оценку автором увлечений Петра западными заимствованиями, на элементы идеализации в обрисовке Кукуя, немецкой слободы, контрастно противопоставляемой старому московскому быту как чему-то сплошь дикому и варварскому. Впрочем, такого рода ошибочные моменты обычно “снимались”, корректировались автором в последующих частях романа, а также при редактировании ранее написанного» [1, с. 138].

Действительно, с одной стороны, правка 1944–1945 гг. продолжает основные направления работы писателя для предыдущих изданий⁶: стремление к лаконизму стиля и устранение ярких эпитетов, сокращение фраз; уточнение образов и исторических реалий. С другой, Толстой возвращается к образам, которые были им отвергнуты еще на этапе создания одного из первых вариантов текста. Так, например, при описании раскольников в стрелецких слободах, призывающих скинуть никониан, в наиболее ранней из сохранившихся авторизованных машинописей, содержащей правку для издания *Недра* и частично учтенную в последующем издании (*ГИЗ*)⁷, стояло имя раскольника — Пустосвят, которое было снято впоследствии и в опубликованном тексте не появляется, однако в 1944 г. Толстой возвращается к нему:

Стрельцы плакали, слушая. **Старец раскольник, Никита Пустосвят, на базаре, стоя на возу, читал народу по соловецкой тетради:**

Я, братия моя, видал антихриста, право видал, — дрожа от ярости, читал раскольник по соловецкой тетради...⁸

Кроме того, как отмечал Алпатов, снимаются «ошибочные моменты» и один из наиболее важных связан с упоминанием в тексте

Алексей Толстой устранял имевшуюся кое-где рыхлость стиля, сжимал и “усушивал” текст, достигая большей пластичности описаний, большей ясности и простоты своего реалистического письма. Первый том “Петра”, написанный четырнадцать лет назад, тем самым как бы подравнивался к художественному уровню третьего тома — к тем возросшим задачам и требованиям, которые ставил перед собой писатель на новом этапе своей литературной работы» // *Толстой А. Н.* Указ. собр. соч. М., 1946. Т. 9. С. 795–797.

⁶ *Толстой А. Н.* Собр. соч.: в 15 т. М.: «Недра», 1929–1930. 1930. Т. XV; *Толстой А. Н.* Собр. соч.: в 15 т. М.; Л.: Гос. изд. худож. лит., 1927–1931. 1931. Т. XV; *Толстой А. Н.* Петр Первый. Л.: Изд. писателей в Ленинграде, 1932. Далее в тексте статьи названия изданий сокращены и набраны курсивом: Недра, ГИЗ, ИПЛ.

⁷ РО РГБ. Ф. 784. К. 14. Ед. хр. 7.

⁸ Здесь и далее текст воспроизведен в виде динамической транскрипции с использованием следующих условных обозначений: вычеркнутый текст набран курсивом и заключен в квадратные скобки, вставленный текст — полужирным прямым шрифтом.

немцев и их влияния на Петра («элементы идеализации в обрисовке Кукуя» [1, с. 138]). Иноземцы, или немцы, различных профессий стали приезжать в Москву еще в XVI в. при Иване Грозном, образовав под Москвой на реке Яузе Немецкую слободу, просуществовавшую до Смутного времени. Ее второе рождение относится к 1652 г., когда все иноземцы были переселены в новую Немецкую, или Иноземную, слободу, быстро разросшуюся «в значительный и благоустроенный городок с прямыми широкими улицами и переулками, с красивыми деревянными домиками <...> Это был уголок западной Европы, приютившийся на восточной окраине Москвы» [4, с. 348]. Повседневную благолепную жизнь Кукуя Толстой показывает глазами разных героев (Василия Волкова, Алексашки Меньшикова, Петра), однако сокращению подвергаются именно авторские описания Немецкой слободы, содержащие описания веселья и достатка иноземцев: снимается фраза «В послегрозовой прохладе слышались веселые голоса, и то пела флейта, то скрипка». Большая работа была проведена автором по замене форм «немец»/ «немка» /«немцы» на синонимы «иноземцы», «гости», «кукуйцы»: в предложениях «Стоявшие кругом немцы, вынув трубки, закачали головами», «Немцы на Кукуе часто разговаривали о молодом царе Петре» и «взяли на жалованье немецкого капитана Федора Зоммера» «немцы» / «немца» заменено соответственно на «иноземцы» / «иноземца»; в других случаях — на «кукуйцы», например, «О, наши добрые немцы будут сердечно счастливы увидеть ваше величество», «Немцы качали головами» или «В понедельник немцы надевали вязаные колпаки».

Речь иностранцев дана в переводе на русский язык, а не транслитерацией, как это было в прижизненных изданиях («— Эй, Монс, битте эйн кугель бир!» изменено на «— Эй, Монс, кружечку пива!», «— Ди эрсте фигур!» на «— Фигура первая!»); правится обращение Петра с просьбой называть его по-немецки: «— Иоганн, не зови меня ваше помазанное величество, мне это надоело дома, но зови меня по-немецки, как будто я твой друг», где «по-немецки» сокращается, как и в последовавшем ответе Лефорты: «— О да, Монс, мы все будем звать [*по-немецки*], — гер Петер». В ряде случаев Толстой подбирает контекстуальные синонимы: «Раскуривая трубки, немцы говорили» — «Раскуривая трубки, посетители говорили» или «Не слышал, что за шумом кричали немцы» — «Не слышал, что за шумом кричали гости».

Ввиду описанной выше правки, сокращение описаний русского характера (лености, корысти, кичливости) действительно может восприниматься как устранение двусмысленного в 1944 г. противостояния «русские — немцы», при условии, что не для всех было бы очевидно первое значение слова «немцы» — «иностранцы, ино-

земцы». Так, о Лефорте, который бескорыстностью и легким нравом противопоставлен русскому окружению царя, говорилось: «...постоянно был подле царя не за тем, чтобы просить, как [*все русские*] **бояре**, — уныло стучая челом в ноги, — деревенек и людишек, а для общего им обоим дела и общих потех»⁹. Противопоставление «корыстные русские — беззаботный немец» было снято за счет отказа от указания на национальную принадлежность «русские» и заменой на «бояре».

Противостояние русских и иноземцев выражалось в ряде запретов (например, строить церкви и дома «на Москве», выдавать дочерей замуж), в грабежах и разбоях при пособничестве именитых родов и купцов. Эту ситуацию иностранцы, жившие в Москве, планировали изменить, приручив молодого царя. Однако абзац, описывающий конфликт и его решение, автором снимается:

Ничем не прошибить русской темноты и корысти — ни добрым поведением, ни подарками сильным людям. Не хватало благосклонных законов, прочной уверенности. От всего этого страдали торговля и ремесла.

Кузнец Гарриг Кист сказал умно: «А что если приручить молодого царя? Чтобы полюбил он немецкий обычай, порядочную жизнь, нашел бы честных друзей, добрых советчиков, — большая бы вышла от того польза...»¹⁰ [1, с. 91].

Толстой сокращает другой выразительный фрагмент, связанный с оценкой «русского характера». В нем лень («ленивы») оборачивается спокойствием и размеренностью («малоповоротливы»), а кичливость и похвальба военными победами (завоевание Цареграда) и «единой истинной верой» снимаются.

[*Да*] **К** тому ж [*и ленивы*] **малоповоротливы** были русские люди. Жили по-медвежьи за крепкими воротами, за неперелазным тыном в усадьбах на Москве. В день отстаивали три службы. Четыре раза плотно ели, да спали еще днем для приличия и здоровья. Свободного времени оставалось немного — боярину — ехать во дворец, дожидаться, когда царю угодно потребовать от него службы, купцу — сидеть у лавки, зазывать прохожих, приказному дьяку — [вершить дела] **сопеть над грамотами**. [Зато на слова были задирчивы и высокомерны. Выхвалялись обширностью русской земли (от Польши-де до Китая) и единой истинной верой. «Как-де при великом князе Василии Ивановиче турки завоевали Цареград — с той поры

⁹ ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 248 а.

¹⁰ Там же. С. 78–79.

и двоеглавый римский орел перешел к нам, и московский патриарх стал глава вселенской церкви, Москва стала третьим Римом. А католики и лютеране для нас-де поганые еретики, посуду после них нужно мыть, как после собаки». Много хвалились и прадедовскими делами: «Мы еще с силами соберемся. В прежние времена Москва втрое обширнее была, мы того не забыли. Царь Иван Васильевич Грозный шеломом из Наровы воду пил, от Лифляндии оставил одни головешки, — мечом прошли от Невы до Риги, и быть бы давно Балтийскому морю нашим, да бог на нас прогневался, оттого и не вышло...]».

В другом абзаце исправлению подверглось упоминание противостояния русских и иностранцев в торговле. Рассказ купца о самоуправстве иноземцев в Архангельске, скупающих у поморов сало по четверть цены, предваряло описание: «И — ничего нет, торговать становится нечем, на все иноземцы кладут лапу... стали в Москве, по городам скупать хлеб и мясо, увозят в свою землю. Была, говорят, русская сила, да где она?»¹¹ В результате авторской работы 1944–1945 гг. оно сокращается, однако фраза «Была, говорят, русская сила, да где она?» используется с восклицательной интонацией и в ином контексте: «Эх, была русская сила, да где она!» — призывает к действию стрельцов Хованский¹².

В ряде случаев исправление «немцев» на «иноземцев» носит явно идеологический характер, так как корректируются исторические факты: например, Федор Зоммер — «немецкий капитан» становится «иноземцем Федором Зоммером», однако в источнике, которым Толстой мог пользоваться, — он был в его библиотеке, — у Брикнера [3] — Зоммер назван «немецким офицером». Полностью сокращается рассказ князя Василия Васильевича Голицына французскому дипломату де Невиллю о проекте введения немецкого строя в русских войсках — реальный исторический факт, о котором писал, в частности Ключевский, назвавший Василия Голицына «младшим из предшественников Петра».

О другом направлении правки, связанном с изображением Петра, говорится в комментариях к роману, но также без привлечения примеров: «В обрисовке Петра, его внешнего облика. Толстой убирал некоторые снижающие детали, патологические черты. Ряд грубова-то-натуралистических образов и выражений оказался устраненным и в диалогах и в описательных местах романа. Некоторая педализация роли торгового капитала, чрезмерное подчеркивание значения купечества в эпоху Петра, имевшее место в I томе, тоже подверглись

¹¹ ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 248 а. С. 30.

¹² Там же. С. 35.

исправлению и корректировке путем устранения отдельных фраз и кусков текста» [10, с. 795–796].

Среди примеров правки, связанной с образом главного героя — Петра I — следует выделить одну из легенд, сторонником которой был Толстой и которая нашла отражение в словах царевны Софьи:

Весело царица век прожила и с покойным батюшкой и с Никоном патриархом немало шуток было шучено... Мы-то знаем, теремные... Братец Петруша, государь наш, — прямо — притча, чудо какое-то, — и лицом и повадкой ну, — чистый Никон... Братцем-то его едва звать и язык поворачивается...¹³.

Последнюю фразу автор переписывает: «Братец Петруша, — прямо — притча, чудо какое-то, — и лицом и повадкой **на отца не похож**», тем самым отказываясь от произнесенных ранее в интервью для газеты «Смена» слов:

Я уверен, что Петр не сын Алексея Михайловича, а патриарха Никона. Никон был из крестьянской семьи, мордвин. В 20 лет он уже был священником, потом монахом, епископом и быстро дошел по этой лестнице до патриарха. Он был честолюбив, умен, волевой, сильный тип.

Дед Петра, царь Михаил Федорович, был дегенерат, царь Алексей Михайлович — человек неглупый, но нерешительный, вялый, половинчатый. Ни внутреннего, ни внешнего сходства с Петром у него нет. У меня есть маска Петра, найденная художником Бенуа в кладовых Эрмитажа в 1911 г. Маска снята в 1718 году Растрелли с живого Петра. В ней есть черты сходства с портретом Никона [12, с. 209].

В то же время в результате работы над текстом Толстой создает образ милостивого царя, добавляя к описанию вернувшегося в Москву из Троицы Петра: «Но голов не рубил молодой царь, не гневался, хотя и не был приветлив»¹⁴.

С другой стороны, писатель продолжил вносить изменения в описания припадков и болезненного состояния первого российского императора. В результате этой работы, начавшейся еще более десяти лет назад для издания *ГИЗ*, они сокращались и редактировались, но наиболее значительной стала именно правка 1944–1945 гг. В тексте, опубликованном в «Новом мире», есть устраненные впоследствии детали:

Ледяная рука Петра, впившись в Алексашкино плечо, застыла, как неживая. Уже совсем около дворца он вдруг выгнул спину, стал за-

¹³ ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 248 а. С. 46.

¹⁴ Там же. С. 211.

кидывать головой, ухватил Алексашку за шею, прижался к нему <...>
У него свистело в груди и кости трещали от судороги, пена выступила на губах [8, с. 141].

Часть фразы «от судороги, пена выступила на губах» отсутствует в последующих изданиях. В другом случае изменения стали еще более существенными:

— Держи меня, держи крепче, — хриловато проговорил он. Через небольшое время руки **его** ослабли. Вздохнул со стоном: — Поедем... Не уходи только... Ляжем вместе... [*Падающая у меня...*] <...> Петр лег на кошму, велел Алексашке лечь рядом: [*— Ныиче один — боюсь...Лежи, не шевелись. Засну. — Положил голову Алексашке на плечо.*] **Прислонил голову ему к плечу**¹⁵.

Особо следует выделить сцену бегства из Преображенского в Троице-Сергиеву лавру под защиту монастырских стен:

В ближайше[й] м яме [*Шестьдесят верст отмахали в пять часов.*] Когда [*за поворотом*] **вдали** выросли острые кровли крепостных башен и разгоревшаяся заря заиграла на куполах, Петр [*заплакал*] **оставил лошадь, обернулся, оскалился...** Шагом въехали в монастырские ворота. Царя сняли с [*лошади*] **седла**, внесли, полуживого от стыда и утомления, в келью архимандрита¹⁶ [10, с. 161].

За это поспешное бегство босым, неодетым, и слезы потом ему будет стыдно перед Лефортом:

Он понимал, что Петру мучительно стыдно за свое бегство в одной сорочке [*и за слезы*], и приводил примеры из «гиштории Брониуса» про королей и славных полководцев, хитростью спасавших жизнь свою...¹⁷.

Однако упоминание «трусливости, эпилептической дрожи, слез бессильной злобы» Петра есть в пересказе спасения Петра в монографии Р.Мессер о Толстом, опубликованной в 1939 г. [7, с. 75]. Исследователь ссылается также на «нагромождение его зверств и эпилептических выходок», но без «следов физиологического натурализма». «Самое замечательное для романа в личном облике Петра — рост его личности, вытекающий из этапов роста его самосознания и практи-

¹⁵ ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 248 а. С. 100.

¹⁶ Там же. С. 182.

¹⁷ Там же. С. 187.

ки. Сначала он — тщедушный, тонконогий неврастеник, потом растет в нем мелкое самолюбие вместе с трусостью и звериной жадной жизни и власти, потом — цинизм, вероломство и рядом — страстность, настойчивость, историческая сознательность» [7, с. 88]. В результате правки качества, характеризующие «неврастеника» (раздражительность, возбудимость) и трусость, нейтрализуются автором.

Таким образом, корректировка изображения гнева и проявлений взрывного, сумасбродного характера царя — второе направление работы писателя, связанной с образом Петра. Приведем несколько фраз, которые характеризуют его как нетерпеливого, несдержанного и властного человека: «царь загорелся [*бешеной злобой*], ударил его ногой»¹⁸, «гаркнул ему, едва увидев» было заменено на «вращая глазами, приказал»¹⁹, убрано было «злой, крикливый, несправедливый»²⁰ в описании Петра, вернувшегося с Переяславского озера в Преображенское. В интервью «Литературной газете» Толстой говорил: «Вихляющийся, истеричный Петр, которого нам навязывали, никак не совпадал с нашими замыслами. От нас требовали, чтобы мы показали конечную неудачу, провал всей преобразовательной деятельности Петра.

Эти требования сводили, по существу, на нет наше стремление показать прогрессивное значение петровской эпохи для дальнейшего развития русской истории» [11, с. 523].

Более уважительное и трепетное отношение Алексашки Меньшикова к Петру передается заменой обращения «ты» на «вы»: «— И ты бы тогда женился...» на «— И **вы** бы тогда **женились**...», «— Да зря ты, чай, так это, — спяну...» на «— Да зря вы, чай, так [*это*] **то думаете**, — спяну...», «Они сестрицей твоей тоже не слишком довольны...» на «Они сестрицей вашей тоже не слишком довольны...», «— Скоро тебя мамаша женит...» на «— Скоро вас мамаша женит...»²¹ и т. д.

Работая над текстом первой книги для таких изданий, как *ГИЗ* и *ИПЛ*, Толстой, как правило, старался устранять ошибки и неточности в изображении исторических персонажей или событий, в употреблении устаревших понятий. В 1944–1945 гг. он также вносил соответствующие коррективы. Известно, например, что Петру Толстому (1645–1729) накануне первого стрелецкого мятежа (1682) было 37 лет, поэтому эпитет «юношеское лицо» автор зачеркивает.

Изменения вносятся в употребление денежных единиц («посулы, три алтына деньгами» на «посулы, десять алтын», алтын — трехкопеечная монета, к примеру, за 3 алтына Алексашка продал Зотову еловые жерди; или полтинник меняется на синоним «деньга»: «Два

¹⁸ Там же. С. 75.

¹⁹ Там же. С. 94.

²⁰ Там же. С. 172.

²¹ Там же. С. 116.

полтинника сунул за щеку для верности» — «Две деньги сунул за щеку для верности») и системы мер («да сухих карасей четыре пуда» на «да сухих карасей пуд»), реалий времени («Дворовые <...> играли в зернь, зло хлестали засаленными картами по столу» на «Дворовые <...> хлестали засаленными картами по столу», так как зернь — игра в кости; «прикрывали ряды бронзовых пушек» плетеные из ивняка не «шанцы», земляные окопы, а «фашины», т. е. связки прутьев) и описания («завитые космы каракового парика», где «караковый» сокращается, так как использовался для характеристики лошадей).

Правка Толстого характеризуется Алпатовым однозначно как творческая: «Первый том “Петра”, написанный четырнадцать лет назад, тем самым как бы подравнивался к художественному уровню третьего тома — к тем возросшим задачам и требованиям, которые ставил перед собой писатель на новом этапе своей литературной работы» [10, с. 797]. Действительно, с одной стороны, правка 1944–1945 гг. представляет собой продолжение основных направлений работы 1930-х гг. (устранение ошибок, трансформация образа Петра), и даже замену «немцев» на «иноземцев» и др. можно рассматривать как поиск эпитетов во избежание повторов. Сложнее объяснить причинами творческого характера правку, направленную на создание облика Москвы, приближенного плану, который был утвержден 10 июля 1935 г. Генеральный план реконструкции города Сталина и Молотова, направленный на строительство новых транспортных магистралей, метро и связанное с ним уничтожение церквей, совпал с четвертой волной гонений на церковь (1937–1938 гг.). Действие первой книги в основном разворачивается в Китай-городе. Как известно, этот район подвергся наибольшей перестройке в середине XX в. В романе дети, Александр Бровкин и Алексашка Меньшиков, просили милостыню «у церкви Флора и Лавра». Вероятно, подразумевалась одна из старейших церквей Москвы, располагавшаяся на ул. Мясницкой (напротив современного здания Почтамта) и разрушенная в 1935 г. в связи со строительством метро — церковь святых мучеников Флора и Лавра (отсюда Фролов пер.). В результате правки дети оказались «на церковных площадях». Сокращению подверглись и разрушенные в 1930-х гг. Никольские ворота: «На Лубянской площади свет костров озарял приземистую башню [*Никольских ворот*], облупленные зубчатые стены, уходящие в темноту к Неглинной»²². Об изменении облика города с воодушевлением писали в конце 1930-х гг.: «За последние годы здесь очень многое изменилось. После сноса китай-городской стены Москва получила великолепную магистраль, соединяющую площадь Ногина с площадью Дзержинского <...> Исчезли вместе со

²² ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 248 а. С. 171.

стенной и низконависавшие над головой узкие, вечно темные и сырые ворота Китай-города» [9, с. 47–48].

Однако изменение описаний московских улиц носило и уточняющий характер, например, появляется ранее только подразумеваемая точка отсчета часовня Иверской иконы Божьей Матери (1668) при Неглиненских воротах — «от Иверской»: «**Вся площадь от Иверской до белого, на синем цоколе, с синими главами, Василия Блаженного была пустынна**» или заменяется улица Никитская на Воздвиженку: «По Никитской гнали по навозной дороге ревущий скот — на водопой на речку Неглинную», однако Воздвиженкой она стала лишь с XVIII в., а в конце XVII в. — время описываемых в романе событий — она называлась Царицынской.

Кроме того, последняя незавершенная правка Толстого затронула как авторские описания (усадыбы Василия Волкова), так и речь героев («Кому пожалуешься» на «Кому пожалуеся»), устранялись стилистические ошибки и повторы («Седой [*старик,*] Аверьян»), менялся порядок слов, корректировались даже знаки препинания и деление на абзацы.

Исправления вносились автором простым карандашом, некоторые фрагменты текста переписывались с черновиков. Сохранились два таких черновых автографа: первый вложен между страницами 152 и 153.

Сыновья подростки. Яков всю эту зиму ходил [*за десять верст*] в соседнее в село к дьячку, — учи[*ть*]ся грамоте, Гаврилка вытягивался в красивого парня [*, но был с ленцой*], меньшей, Артамошка был [*в мать,*] тихоня, но тоже [*умен.*] **не без ума**. Детьми Ивашку бог не обидел. К дочери — Саньке — уж сватались, но по нынешнему положению — [*и*] отдавать ее за своего мужика **брата — деревенского, — ну нет, это надо было** еще подумать... [*Девка была — загляденье*]

При переписывании в него были внесены изменения: во-первых, добавлен союз «и» в начале абзаца («И сыновья-помощники — подростки») служащий для связи с предшествующим текстом, во-вторых, «ходил в соседнее село» заменено на «ходил в соседнюю деревню»; вместо «за своего мужика брата — деревенского» появилось более точное и яркое определение «за своего брата — мужика-лапотника», лаконичнее стала и несобственно-прямая речь Ивашки («ну нет, это надо было еще подумать...») заменено на: «это еще надо было подумать...»²³.

Другой автограф вложен в «экземпляр Крестинского»²⁴. На нем рукой Толстого простым карандашом указано: «стр. 443 — 6-я свер-

²³ ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 248 а. С. 153.

²⁴ ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 248. С. 218–219.

ху никто не дерзает вм. никто не дерзнет», однако это исправление, относящееся к приказу по флоту «Никто не дерзнет отстать от командорского корабля...», учтено не было. Кроме того, «экземпляр Крестинского» любопытен еще и еле заметными записями секретаря простым карандашом на заднем форзаце с указанием варианта и страницы. Например, «по подлomu (165)» («На весь собор, отрывисто, по-подлomu, Петр проговорил...») или «не задеть царя 207» (в своем экземпляре Крестинский вписал «бы», вошедшее в последующие издания), «страсти его <i> порвало 217» (в тексте было и осталось «страсти его прорвало»). По нему восстанавливаются также случаи вмешательства Крестинского в текст романа. Так, например, именно здесь впервые появилась частица «бы» в фразе «Емельян, берегясь не задеть **бы** царя, полоснул».

Печатный текст 1937 г. с правкой Толстого 1944–1945 гг. помимо вариантов содержит следы размышлений и раздумий писателя над оборотами и выражениями. В ряде случаев Толстой сокращал фразу, а затем возвращался к опубликованному варианту. Например, зачеркнутое «протопопа» в словах персонажа «И о сем сказано у протопопа Аввакума...» вновь восстанавливается; в описании кукуевских красавиц: «...дамы приседали перед странным юношей — царем варваров, [—] показывая в низком книксене [*роскошные плечи и*] **пышные** груди, высоко подтянутые жесткими корсетами», «показывая в низком книксене» и «грудь, высоко подтянутые жесткими корсетами» сначала вычеркнуто, затем восстановлено, видимо, после того, как было вписано определение «пышные». По таким признакам авторской работы с текстом, как вычеркивание и восстановление зачеркнутого ранее, можно проследить развитие отношения писателя к данному описанию. В качестве примера следует привести фрагмент, связанный с противостоянием русских и немцев:

Сказано было не глупо. Русские плохо относились к иноземцам. Сильными врагами были князья Шуйские, владевшие гостиным двором на Красной площади. Именитые купцы натравливали простой народ грабить иноземные лавки и амбары. Духовенство проклинали лютеранскую и католическую ереси. Не позволяли строить на Москве ни домов, ни церквей. Цари переселили немцев из города на Яузу, и даже там через силу терпели бусурманское гнездо. Запрещали русским выдавать дочерей за иноземцев. Стрельцы не раз грозились вырезать Кукуй. По праздникам на базарах опасно было показываться в нерусском платье [— *облают, оплюют, изорвут добрую одежду. Ничем не прошибить русской темноты и корысти — ни добрым поведением, ни подарками сильным людям*]. Нехватало благосклонных законов, прочной уверенности. От всего этого страдали торговля и ремесла.

Кузнец Гаррит Кист сказал умно: «А что если приручить молодого царя? Чтобы полюбил [*бы он немецкий*] **иноземный** обычай...»²⁵.

Этот отрывок показателен тем, что «немецкий обычай» был заменен на «иноземный обычай», а упоминание таких качеств русских, как «темнота» и «корысть» и беспричинная агрессия по отношению к иностранцам, сняты. Правда, и в сокращенном варианте этот абзац автора не устроил и был зачеркнут, таким образом, начиная с т. 9 Полного собрания сочинений и до сих пор в изданиях первой книги романа он отсутствует.

Помимо многочисленных изменений (около 518, если учитывать и вторую книгу), Толстой исправил более 30 опечаток и переписал искаженное вследствие опечатки предложение:

Петра нашли в лодке, — он спал, завернув голову в кафтанец. Лев Кириллович отослал всех от лодки и дожидался, когда племянник изволит прийти в себя. Петр сладко похрапывал. Из широких голландских штанов торчали его голые, в башмаках набосо, тощие ноги. Раза два потер ими, во сне отбиваясь от мух. И это, в особенности, удручило Льва Кирилловича... [*Сам: царю босиком спать в лодке, да еще когда царство на волоске...*] **Царство — на волоске, а ему вишь мухи надоедают...**²⁶.

Как это ни удивительно, но буква «р» в слове «срам» «выпала» только в одном издании — 1937 г., с которым работал Толстой, — что и стало причиной переработки всего предложения. Однако в критических отзывах конца 1930-х гг. данный пример приводился для характеристики приемов создания образа Петра: «не нарочито натуралистическое снижение образа» видела здесь Р. Мессер, а «раскрытие объективно-исторической роли Петра» [7, с. 76–77].

Издание 1937 г., которое, видимо, оказалось под рукой, выделяется не только замечательными иллюстрациями Билибина, но и огромным количеством опечаток, которых не было ни в одном издании ни до, ни после (включая издания 1934, 1935 и 1936 гг. и 8-е изд. Л.: Гос. изд. «Худож. лит.», 1938). Ряд из них автор исправил, например, «музыкальный ящик с двенадцатью кавалерами и дамами на крышке» вместо «музыкальный ящик с двенадцатью кавалерами и дамами на крыше»; «Завтра надо кричать нового гетмана» вместо «Завтра надо закричать нового гетмана» или «Кроме того, из тех ваших кораблей, сэр, два утопят норвежцы или шведы, а третий погибнет от пловучих льдов» заменено на: «Кроме того, из трех ваших кораблей, сэр, два утопят нор-

²⁵ ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 248 а. С. 90–91.

²⁶ Там же. С. 162.

вежды или шведы, а третий погибнет от пловучих льдов». Исправлена также опечатка, появившаяся в 1931 г. (*ГИЗ*) и прошедшая через все издания: «Захвати царскую одежду, догоняй», — говорит Меньшиков Бровкину. Стилистически нейтральное, литературное, «одежду» было поправлено автором на просторечное «одежу». Впервые именно в 1944–1945 гг. автор исправил и явную ошибку, пропущенную при подготовке всех изданий: «Петра все эти ночи томила бессонница» вместо «Петра все эти дни томила бессонница». На другое несоответствие писателю указал Крестинский, но исправлено оно не было. На странице 198 он подчеркнул «сивых» («Шестерик застоявшихся сивых») и написал на полях «см ? 199», где читаем: «Разинув рот, глядели на мчавшихся *снежно-белых коней*, на ездовых, подсакивающих в высоких седлах» (курсив мой. — А. А.).

В издании 1937 г. было много других ошибок. Яркой иллюстрацией является описание провинившегося дворянина Василия Волкова, кинувшегося вслед за Меньшиковым: «Но, вскочив за Алексашкой в сени, он повис у царского аманта на руке...». В московском издательстве «Федерация» (1932) впервые было напечатано «Но, вскочив за Алексашкой в сени, он повис у царского атамана на руке». В издании 1937 г. явную ошибку — вместо «аманта» было «атамана» — исправили на «у него»: «Но, вскочив за Алексашкой в сени, он повис у него на руке». Таким образом, упоминание об Алексашке, о любимце, ближайшем соратнике и интимном друге Петра, колоритное слово «амант», характеризующее самого Меньшикова, отношение к нему царя, и, прежде всего, язык эпохи было утрачено.

Не замеченными Толстым остались около 20 опечаток.

Исторический роман А. Н. Толстого «Петр I» — одно из главных и в то же время недостаточно изученных произведений писателя. Несмотря на многочисленные публикации романа, до сих пор нет его научного издания: тексты не были выверены по всем источникам, комментарии нуждаются в большей полноте, привлечении ранее не использованных исследователями материалов, хранящихся в архивах Москвы (ОР ИМЛИ, РГБ), Санкт-Петербурга (РНБ, ИРЛИ) и Самары (Самарский Литературный музей).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Алтатов А. В. Творчество А. Н. Толстого. М.: Учпедгиз, 1956. 200 с.
- 2 Баевский В. С. «Генералам двенадцатого года» М. Цветаевой: текст, подтекст, за-текст // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. 1992. Т. 51. № 6. С. 43–51.
- 3 Брикнер А. Г. История Петра Великого: в 2 т. СПб.: А. С. Суворин, 1882. Т. 2. 713 с.
- 4 Ключевский В. О. Курс русской истории: в 3 ч. М.: Тип. т-ва А. Левенсон, 1911–1916. Ч. 3. 1916. 480 с.

- 5 Крестинский Ю. А. А. Н. Толстой. Жизнь и творчество. (Краткий очерк). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 313 с.
- 6 Крюкова А. М. А. Н. Толстой — академик АН СССР // А. Н. Толстой. Материалы и исследования. М.: Наука, 1985. С. 231–240.
- 7 Мессер Р. А. Н. Толстой. Критический очерк. Л.: Гос. изд. худож. лит., 1939. 174 с.
- 8 Новый мир. 1929. № 8–9. С. 112–141.
- 9 Романовский И. Новая Москва. Площади и магистрали. М.: Московский рабочий, 1938. 196 с.
- 10 Толстой А. Н. Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Гос. изд. худож. лит., 1946–1953. Т. 9. 1946. 806 с.
- 11 Толстой А. Н. Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Гос. изд. худож. лит., 1946–1953. Т. 13. 1949. 676 с.
- 12 Толстой А. Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: Гос. изд. худож. лит., 1958–1961. Т. 10. 1961. 711 с.

REFERENCES

- 1 Alpatov A. V. *Tvorchestvo A. N. Tolstogo*. [The Work of A. N. Tolstoy]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956. 200 p. (In Russ.)
- 2 Baevskij V. S. “*Generalam dvenadcatogo goda*” M. Cvetaevoj: tekst, podtekst, zatekst [“Generals of the 12th year” by M. Tsvetaeva: text, subtext, and what is left behind]. *Rossiiskaya Akademiya Nauk. Izvestiya. Seriya Literatury i Yazyka*. [Bulletin of the RAS: Studies in Literature and language], 1992, vol. 51, no 6, pp. 43–51. (In Russ.)
- 3 Brikner A. G. *Istorija Petra Velikogo*: v 2 t. [The History of Peter the Great: in 2 vols.]. St. Petersburg, A. S. Suvorin Publ., 1882. Vol. 2. 713 c. (In Russ.)
- 4 Ključevskij V. O. *Kurs russoj istorii* [The course of Russian history]. V 3 ch. Moscow, Tipografija t-va A. Levenson Publ., 1911–1916. Part 3. 1916. 480 c. (In Russ.)
- 5 Krestinskij Ju. A. *A. N. Tolstoj. Zhizn' i tvorčestvo. (Kratkij očerok)* [A. N. Tolstoy. Life and work. (Brief survey)]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1960. 313 p. (In Russ.)
- 6 Krjukova A. M. *A. N. Tolstoj — akademik AN SSSR* [A. N. Tolstoy — academician of the USSR]. *A. N. Tolstoj. Materialy i issledovanija* [A. N. Tolstoy. Materials and researches]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 231–240. (In Russ.)
- 7 Messer R. *A. N. Tolstoj. Kritičeskij očerok*. [A. N. Tolstoy. Critical essay]. Leningrad, Gos. izd. «Hud. literatura» Publ., 1939. 174 p. (In Russ.)
- 8 *Novyj mir* [New World], 1929, no 8–9, pp. 112–141. (In Russ.)
- 9 Romanovskij I. *Novaja Moskva. Ploshhadi i magistrali* [New Moscow. Squares and highways]. Moscow, Moskovskij rabochij Publ., 1938. 196 p. (In Russ.)
- 10 Tolstoj A. N. *Polnoe sobranie sočinenii: v 15 t.* [Complete works: in 15 vols.]. Moscow, Gos. izd. khudozh. lit. Publ., 1946–1953. 1946. Vol. 9. 806 p. (In Russ.)
- 11 Tolstoj A. N. *Polnoe sobranie sočinenii: v 15 t.* [Complete works: in 15 vols.]. Moscow, Gos. izd. khudozh. lit. Publ., 1946–1953. 1949. Vol. 13. 676 p. (In Russ.)
- 12 Tolstoj A. N. *Sobranie sočinenii* [Works]. V 10 t. Moscow, Gos. izd. khudozh. lit. Publ., 1958–1961. 1961. Vol. 10. 711 p. (In Russ.)